

Михаил Андреев

стихи

84(270в-Рзс)6.-5
А65

По небу
чистому

Михаил АНДРЕЕВ

СТИХИ

**По небу
ЧИСТОМУ**

Областная детская юношеская библиотека

9 098421

**ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКО-ЮНОШЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**
№ 74852 '95

**МОСКВА
ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
2007**

УДК 82-1
ББК 84-5
А 655

АНДРЕЕВ Михаил Васильевич

ПО НЕБУ ЧИСТОМУ. М.: Литературная Россия, 2007.
– 128 с.

Лауреат премии Ленинского комсомола и премии им. М.Горького, автор слов многих песен групп «Любэ», «Иванушки International», «Белый орёл», «Золотое кольцо», «Фабрика», «Корни», поэт Михаил Андреев является давним другом нашей газеты. В 2005 году он стал победителем конкурса «Время Русь собирать», организованном «Литературной Россией».

Писать Михаилу Андрееву можно на e-mail: amv555@mail.ru

Сайт автора: www.mandreev.ru

© **АНДРЕЕВ М.В.**, 2007
© **ХАМЗИНА Е.А.**, обложка

ISBN 978-5-7809-0074-0

Все творчество замечательного поэта Михаила Андреева - результат любви. Любви к томской земле, к людям, живущим на ней.

«Доброе, доверчивое отношение к жизни» - так характеризуют творчество нашего земляка. Я бы добавил еще и определение «искреннее». В его стихах нет фальши. Именно поэтому они очень понятны и близки людям. Именно поэтому любимы людьми. Неслучайно песни, написанные на стихи Михаила Андреева, поет вся страна.

Я желаю Михаилу Васильевичу постоянного вдохновения и покорения новых творческих высот.

Виктор Кресс, Губернатор Томской области

Я горжусь своим земляком-поэтом Михаилом Андреевым. Он, несомненно, является одним из лучших поэтов-песенников современности. Его имя известно всей России - его песни поют и любят депутаты, сенаторы, простые граждане страны и, конечно, земляки-томичи.

Мне лично, моей маме, жене, моим друзьям очень нравится лирика Михаила Андреева - искренние строки о родном крае, людях разных профессий, настоящих чувствах.

Его стихи - красивые. Они делают нашу жизнь ярче и интереснее, пробуждают лучшие человеческие качества. Его творческие победы очень много значат для всех нас-томичей, они позволяют нам гордиться своей малой родиной, своим земляком - Михаилом Андреевым.

**Владимир Жидких, депутат Государственной Думы
Федерального Собрания РФ**

В стихах Михаила Андреева я всегда восхищаюсь его чутким отражением красоты сибирской природы.

**Юрий Гавриленко, генеральный директор
лесопромышленной компании «Партнер-Томск»**

Мы, сотрудники группы компаний «Диапазон-Финсервис», в год своего пятнадцатилетия искренне счастливы, что оказали содействие в издании книги поэта Михаила Андреева, с которым сотрудничаем и дружим много лет.

**Игорь Блатт, генеральный директор инвестиционной
компании «Диапазон-Финсервис»,
Александр Оленев, заместитель директора
интернет-компании «Симэкс-Т».**

Литературная Россия, №1. 12.01.2007

ЧЕМ МЕНЬШЕ ЧИТАЮЩИХ ПОЭЗИЮ, ТЕМ ЛУЧШЕ!

Лауреат премии Ленинского комсомола и премии им. М.Горького, автор слов песен групп «Любэ», «Иванушки International», «Белый орёл», «Золотое кольцо», «Фабрика», «Корни», поэт Михаил Андреев является давним другом нашей газеты. В 2005 году он стал победителем конкурса «Время Русь собирать», организованном «Литературной Россией». Это интервью – ещё одно подтверждение, что настоящий поэт всегда остаётся поэтом: на наши вопросы Михаил отвечал и прозой, и стихами...

– Михаил, о творческих планах принято спрашивать в конце беседы, а мы с них начнём. Могут ли они быть у поэта в принципе? Многие думают, что поэзия – «близнецовая сестра» вдохновения: «накатило» – написал. Вспомним Вознесенского: «Стихи не пишутся – случаются, как чувства или же закат. Душа – слепая соучастница. Не написал – случилось так». Или у вас всё-таки есть своя творческая тактика и стратегия?

— Я думаю, ни у каких литераторов нет ни тактики, ни тем более стратегии. Может быть, лишь немного подсознательно мы ощущаем генерирующую силу творчества, которую Фёдор Тютчев выразил волшебной стихотворной строчкой: «О, Господи! Дай жгучего страдания...!»

Но мир придирчив, он не может без логики, обвязывающей сознание, как рот обволакивает недозрелая хурма, и если вы не склонны к излишней сентиментальности, то можете пропустить следующее стихотворение.

С УТРА

*Заметен щебет птиц в округе,
мороз готов лежать костьми,
и парников большие дуги
из магазинов понесли.*

*Зима привыкла дальше видеть
и в мае, где-нибудь с утра,
боясь кого-нибудь обидеть,
свои расплавила снега.*

*И окна новые маршрутки
откроют сантиметра в два,
чтоб не простыть, но чтоб все сутки
весна заглядывать могла.*

*И не машины, мотоциклы
уже захватывают власть.
Лишь женщин месячные циклы
идут, погоды не боясь.*

— Широкие массы знают вас как автора хитов «Потому что нельзя быть красивой такой», «Тополиный

пух, жара, июль», «Отчего так в России берёзы шумят?» и других. Видимо, сегодня поэт может стать популярным только через тексты песен? Ведь просто чтением стихов, как в шестидесятые, стадионы уже не соберёшь. Да и кто в последние годы или даже десятилетия снискал себе такую громкую славу, как когда-то Евтушенко или Вознесенский? Нет таких...

— Юный Игорь Шклярёвский писал: «хоть на войну, хоть на луну, куда угодно, лишь бы слава». Но поэзия — это самое высокое искусство, и чем меньше читающих и понимающих это дело, тем лучше. Широкие массы не должны путаться под ногами поэтов.

ВО ВСЕ ГЛАЗА

*Настало время разглагольствовать,
смотреть на все во все глаза,
как будто зиму на довольствие
к себе поставила весна.*

*Как будто мысли с виду дельные
под полубоксы подстриглись,
как будто нити параллельные
там, где-то вдруг пересеклись.*

*Шли в небе тучи целой свитой,
как ходят в дальний путь легко,
с дождями, просто с волокитой,
где все не видно далеко.*

*И солнце все же раскаленное
продавливалось свысока,
как банка молока сгущенного
с охотничьего рюкзака.*

— Советская власть проявляла заботу о писателях, и многие со вздохом вспоминают те времена, жалуясь, что современный рынок практически «съел» серьёзную литературу. Государство должно, как и раньше, помогать поэтам-прозаикам, или же им надо рассчитывать только на свои силы? Если назвался профессиональным литератором, то живи за счёт своей профессии и не требуй от «добротого дяди» стипендий, грантов, пособий и т.д.

— Красота никогда никого не выручает в прямом смысле, а лишь помогает плохим людям делать плохие дела, а хорошим — хорошие. А иллюзий и парадоксов на этот счёт предостаточно, как то: после войны наши женщины надевали немецкие сорочки вместо вечерних платьев, не веря, что такая красота может быть не напоказ. И уж государство точно не должно вмешиваться в этот процесс.

ИНОГДА

*У света с тьмой кровать двухспальная
не прибранная иногда,
и в комнате, той самой дальней
еще ты не был никогда.*

*И день еще стоит всесильный,
еще он в прошлом не бывал,
но телефон ты свой мобильный
уж слишком многим раздавал.*

*И не годится нудный навик,
как пыль от наволочек и чек,
что по привычке бросил набок
купивший воду человек.*

*И тишина, и сны навьлет,
заката в небе уголёк,
где вновь пилой двуручной пилят
у края неба уголок.*

— Вы пишете стихи и больше ничем не занимаетесь. Значит, ваши контакты с внешним миром не столь часты и регулярны, как у большинства литераторов, которые служат редакторами или журналистами, преподают в вузах, ведут какие-то кружки и студии. Такая «уединённость» должна благоприятствовать служению муз, не терпящему суеты. А вы не испытываете нехватку новых впечатлений? И если да, чем её восполняете — путешествиями, например, или чем-то ещё?

— Можно вместо ответа предложить, не касающееся ни этой, ни любой другой темы, стихотворение.

ПО НЕБУ ЧИСТОМУ

*Луна взойдет с улыбкой здешней,
и звезды у неё как рожь,
обгложет спелые черешни
и косточки положит в ковш.*

*И ни за что не беспокоит,
замыслит несколько затей
и правду правильно, что скроет,
как воспитатель от детей.*

*И ощутится в пальцах клейкой
травой, тихонечко поёт,*

*как будто в огороде с лейкой
по небу чистому идёт.*

— Говорят: таланты рождаются в провинции, а умирают в столице. Не приходило в голову переехать на ПМЖ «в Москву! В Москву!»? Не для умирания, конечно, а для большей самореализации. Или вам в Томске вполне комфортно? Как строите свои отношения с местной литературной средой? Есть ли у вас литературные друзья и недруги?

— Когда мне задают такие вопросы, у меня случается лёгкая истерика.

СНЕГОТАЛ

*А что такое снеготал, —
слова: добро пожаловать,
как будто ты перечитал
на полках книги заново,*

*вдали увидел материк
и вник в закат предательский,
как будто голову подстриг
в ближайшей парикмахерской,*

*как посмотрел в ружейный ствол,
прищурив глаз внимательно,
как, угол, отогнув, нашёл
десять рублей под скатертью,*

*как будто главный окулист
опять, во время акции
вновь написал на целый лист
свои рекомендации.*

– Если бы вам предложили включить в какую-нибудь антологию мировой поэзии только одно своё стихотворение, им бы стало...

– ...стихотворение Пушкина: «Я помню чудное мгновенье...». Просто потому, что я так же чувствую...

Беседу вела
Ольга РЫЧКОВА

BECHA

НИЖНЯЯ ТИГА

Нижняя Тига, ты все-таки нежная,
как в рукавичке с тобою тепло,
ты на жердях до того белоснежное
нижнее сушишь в субботу белье.

Дым из трубы продолжается правильно,
что еще будет за наши труды,
шапки от моли завернуты праведно,
в рыбах разводят колдуньи пруды.

В небе раскинуты звездные неводы,
россыпь рассказов на ветках ирги,
счастья такого не будет и не было —
слышать созвездий ночные шаги.

Сеют морковь за заборами частники,
и горизонт недалек вдалеке,
Нижняя Тига, как женские часики
у мироздания всего на руке.

СНЕГ ТАЯЛ

Когда на маленькой окраине
большого города весной
снега неумолимо таяли,
отхаркиваясь немотою,

и быстро рвался трос веревочный,
и буксовали гулко шины,
то трактор помогал трелевочный
вытаскивать автомашины.

И было как обычно ветрено,
снег таял как-то неумело,
кому-то было просто велено
успеть, покуда не стемнело.

Кому-то было просто некогда,
и шлепал он, где меньше снега,
кому-то было просто некуда
нести названье Человека.

ЗА РЕКОЙ

Роса померкла за рекой,
литовки монотонно точат,
неповторимо день-деньской
туманы подготовил к ночи.

И на свой риск, и на свой страх,
конечно, разума помимо,
они разлягутся в лугах,
ленивее самих налимов.

Как много нынче птиц в саду,
пчела с пылью несется в соту,
я завтра встану и пойду
устраиваться на работу.

В ДВОРИКЕ

Гордиться неумной ленью,
знать — мир — плетеная корзина,
с аптекарской достоверностью
и вкрадчивостью нафтизина.

Сердиться на погоду влажную,
в невроз зашнуривая кеды,
и снова слушать сводку важную
про путь разбойничьей кометы.

Своей довольствоваться давностью,
не зная натиска режима,
и шариковой ручкой с наглостью
писать по правилам нажима.

Жить в дворике с гордыней видною,
нести мильоны околесиц,
где запах пирогов с повидлою
несется с деревянных лестниц.

ВЕСНА

Она умеет надавить,
и ненавидеть, и дать в лапу,
поймать невидимую нить
или в отместку взять нахрапом.

И притворяться, и прильнуть,
неосторожностью поранить,
и пулю в голову пулнуть,
и по-мальчишески таранить.

Соединить и надломить,
печатать тексты только в Worde,
такую цену заломить
и дать кому-нибудь по морде.

Это весна, и про нее
судачат, если ходят в гости
и пьют в мензурках мумиё,
чтоб быстро срачивались кости.

Вперед и надо спать, и жить,
не надо день и ночь итожить,
как сумочка она лежит,
забытая тобой в прихожей.

БЕЗ ПРИЧИН

И к этой жизни не готовы,
как к солнышку глаза совы,
ходили по двору коровы
большие, словно их умы.

Где за забором круглой дачи,
пока не наступил мороз,
стояли у зари задачи:
класть росы в горловины роз.

Был день посмертно ночью болен
совсем без видимых причин
и постоянно недоволен,
и, кажется, неизлечим.

И в жизни, видимо, бывалый,
без понуканий и угроз,
в углу двора у бочки старой
зеленый клевер мирно рос.

ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКО-ЮНОШЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. В. И. ЛЕНИНА
74852/91

РЕАЛЬНОСТИ

Кто это все наговорил,
наклеил марки вечера,
и там, и сям нагородил,
что и сказать-то нечего?

Кто нашептал, толкнул плечом,
ответы вызнал верные,
пришел с мячом или с мечом,
чтоб нарывались нервные?

Насобираю, потом отдал,
не усомнился: верно ли?
И раздувать не стал скандал:
— Зачем вы это сделали?

Закладки точно заложил
реальности и небыли,
не строил, даже не служил,
его и вовсе не было.

Кто знал все это наперед
до камешка, до тонкости?
Кто это в комнату войдет,
и тихо ручку повернет
и враз не станет громкости?

НЕ НАДО БЫЛО

Весна не хочет отдыхать,
читать расклеенных приказов,
пора уже не набирать
вовсю бессмысленных заказов:

смотреть водовороты снов
и за детей решать задания,
мимо ушей — потоки слов,
и облицовывать все здания,

крутить остатки мерзких зим
и чувства у всего народа,
как крутит радостный бензин
две гусеницы снегохода.

УЗЕЛКИ

Уже весна лучами лжет,
не зная срока давности,
сугроб в лесу побережет,
да так, для пущей важности.

И каждого заговорит,
и над пригорком сгорбится,
глаза глазами занозит,
не даст никак опомниться.

Завяжет сотни узелков
на память в наказание,
и тысячи учеников
не выполнят задание.

И зря, что никогда не лгал,
не жил себе играючи,
да ты и не предполагал,
что кто-то ночью предлагал
ключ от искусства гаечный.

ВО ВСЕ ГЛАЗА

Настало время разглагольствовать,
смотреть на все во все глаза,
как будто зиму на довольствие
к себе поставила весна.

Как будто мысли с виду дельные
под полубоксы подстриглись,
как будто нити параллельные
там, где-то вдруг пересеклись.

Шли в небе тучи целой свитою,
как ходят в дальний путь легко,
с дождями, просто с волокитою,
где все не видно далеко.

И солнце все же раскаленное
продавливалось свысока,
как банка молока сгущенного
с охотничьего рюкзака.

ИНОГДА

У света с тьмой кровать двухспальна
не прибранная иногда,
и в комнате, той самой дальней
еще ты не был никогда.

И день еще стоит всеильный,
еще он в прошлом не бывал,
но телефон ты свой мобильный
уж слишком многим раздавал.

И не годится нудный навык,
как пыль от наволочек и чек,
что по привычке бросил набок
купивший воду человек.

И тишина, и сны навывлет,
заката в небе уголёк,
где вновь пилой двуручной пилят
у края неба уголок.

КРАН

Опять красивая десна,
у зеркала кровоточила,
с уведомлением весна
свои посылки получила.

Шумел лесов зеленый клан,
шли бойко грузоперевозки,
и жиденский аэроплан
строчил корявые наброски.

Все было вместе: мотоцикл,
трава. Имело все значенье,
и проходил в больнице цикл
сосед какого-то леченья.

Стоял у свай высокий кран,
макушку по небу водило,
и женщина, таков был план,
тем краном всем руководила.

Её на лестнице шажок
в мировоздание вливался
и тонкий, белый гребешок
все дальше, дальше удалялся.

НА СНЕГУ

Еще не выросла трава,
в ней не запуталась безделица,
и задувает рукава
невыносимая метелица.

Зиме спасибочко за труд —
у ней работа многотонная,
где тучи по небу плывут,
как вата в избах межоконная.

Спасибо самому себе
от имени всечеловечества,
спасибо вьюге и пурге,
что наводило околесицу.

А стихнет снег. И вновь пойти
по компасу, где будет просека,
и тени на снегу найти
от стаи воробьиных носиков.

ПО НЕБУ ЧИСТОМУ

Луна взойдет с улыбкой здешней,
и звезды у неё как рожь,
обгложет спелые черешни
и косточки положит в ковш.

И ни за что не беспокоит,
замыслит несколько затей
и правду правильно, что скроет,
как воспитатель от детей.

И ощутится в пальцах клейкой
травой, тихонечко поёт,
как будто в огороде с лейкой
по небу чистому идёт.

ПО ЧИНУ

Дождь, как зубные боли, хлещет
не видно от дождя лица,
ты убирай с верёвок вещи,
а то промокнут до конца.

И разложи ты всё по чину:
дожди, верёвки. Не молчи
и перво-наперво причину
дождям с верёвками ищи.

Обуй ты то, что подвернётся,
читай, закладки убери,
пусть впереди весна смеется,
куда глаза глядят, иди.

Иди и сам всего не ведай,
и наизусть стихи учи,
и ровно в два часа обедай
так, как советуют врачи.

С УТРА

Заметен щебет птиц в округе,
мороз готов лежать костями,
и парников большие дуги
из магазинов понесли.

Зима привыкла дальше видеть
и в мае, где-нибудь с утра,
боясь кого-нибудь обидеть,
свои расплавила снега.

И окна новые маршрутки
откроют сантиметра в два,
чтоб не простыть, но чтоб все сутки
весна заглядывать могла.

И не машины, мотоциклы
уже захватывают власть.
Лишь женщин месячные циклы
идут, погоды не боясь.

В БИБЛИОТЕКЕ

Бывало день возьмет в охапку
свои великие дела,
а ты засовываешь шапку
у гардероба в рукава.

И подчеркнешь всегда в анкете:
когда? откуда? и зачем?
У стеллажей библиотеки
доволен будешь очень всем.

Потом сидишь до поздней ночи,
ждешь утра и читаешь труд,
как будто новый день по почте
тебе с распискою внесут.

СКАМЕЙКА

Хвала ботве и помидорам,
привет, сушеный чернослив,
я человек, ну тот, который
от грядок просто так счастлив.

Золы бросай на грядку больше,
пока есть выходные дни,
и ты давай, и лоб не морщи,
люби растения свои.

Сади веселую петрушку,
пусть вырастает каждый год,
на всю, на самую катушку
хвали свой лучший огород.

Когда же будет трудновато
и надо урожай спасать,
то к помощи суперфосфата
как надо знаю прибегать.

Хвали гороховы развитья
и яблоневы черенки,
и парниковые укрытья
на всякий случай похвали.

И пусть садовая скамейка
вдыхает вечером одна,
зато твоя подруга-лейка
в руках твоих всегда видна.

Хвала растительной культуре,
где много всяческих идей.
Но, слышь, не многовато ль дури
скопилось нынче у людей?

ДО ДОНЬШКА

Луга, трава, сердца, глаза,
река до ершика, до доньшка.
Прикидывай, кто будет за
то, чтоб светило утром солнышко.

Прикидывай, учись не врать —
скользящей в путь дорогой санною.
Мечтай не понаслышке знать
устройство утра перевозанного.

Прикидывай, сиди в углу,
надейся все же на открытие, —
как люди ждут на берегу
парома первого отплытие.

Прикидывай и не ленись
в уме, желудке, может печени, —
тогда счастливей будет жизнь
и огорчаться будет нечего.

КОГДА СВЕТЛО

Бывало, просто нечем крыть,
когда заполонит акация,
и укорачивает прыть
всевидающая гравитация.

Бывало, луч, когда светло,
такой невозмутимо тоненький,
пробьется тихо сквозь стекло —
лежит на нашем подоконнике.

Ты знай ручки наперечет,
копайся в этой самой вечности,
отождествляй с работой счет
от одного до бесконечности.

Иди, куда глаза глядят,
и отовсюду слушай новости,
одно всем говори подряд
и с каждым за руку здоровайся.

ДНИ РОЖДЕНЬЯ

Спокойна улицы сутулость,
в капризах предвесенний день,
таинственная вдруг проснулась
за городом вся дребедень.

И чередою дни рожденья,
и вдавленная колея,
отваживать от наважденья —
гора работы у меня.

Весна взволнованно так дышит,
прикидывает все в уме,
опять неправильно распишет
суть жизни следующей зиме.

Поля, леса в красивых пледах,
и чувства борются мои,
как спицы на велосипедах
покою катятся они.

КНИГИ

Еще сугробы далеки,
и линии их рвут дороги,
они пологи и легки
как стоматологов налоги.

Как будто в книжный переплет
перплели весны рассветы,
как будто бы в стакане йод, —
закат таким окрашен цветом.

И в книге лучшие места
фломастер чертит, не сдаётся.
И скрипнет пол, ему звезда
на небе тотчас отзовется.

Сидишь. И тянет из щелей.
Но это лишь твоя беспечность.
И край стола. Гора вещей.
И запах щей лакает вечность.

ВАРЕНЬЕ

Весна опять в своей тарелке —
разбушевалася с утра,
листву нарежет мелко-мелко,
на поле гонит трактора.

Сорвет луна под вечер сделку,
на скатерть рухнут пироги,
опять задумают побелку,
хоть с дома к вечеру беги.

И лучше всякого варенья
вранье про рыбу из реки,
которую под воскресенье
из самой глуби извлекли.

Давай, пока жива эпоха,
будь лучше день и ото дня,
а то подумают ведь плохо
все люди, вместе, про тебя.

В ГЛУБИНЕ

Ты знаешь, это интересно —
вникать в листвы веселый шквал,
как будто не хватило места,
а ты уже пришел в тот зал.

А все всему безумно рады:
домам и свету вдалеке,
и переполненные взгляды,
как спички жмутся в коробке.

В полях растаяли аккорды —
и оголились валуны,
одна лишь тень гуляет гордо
необязательной луны.

И звезды благодарны мифам,
едва мерцают в глубине,
и по завышенным тарифам
отвешивают счастье мне.

СНЕГОТАЛ

А что такое снеготал, —
слова: добро пожаловать,
как будто ты перечитал
на полках книги заново,

и дали увидел материк
и вник в закат предательский,
как будто голову подстриг
в ближайшей парикмахерской,

как посмотрел в ружейный ствол,
прищурив глаз внимательно,
как, угол, отогнув, нашел
десять рублей под скатертью,

как будто главный окулист
опять, во время акции
вновь написал на целый лист
свои рекомендации.

У ДОРОГ

Причуды есть и у зимы,
они причудливее лета:
берет зима снега взаймы,
метели отдаст за это.

Деревья у дорог стоят,
они прекрасны без прелюдий,
как будто бы они хотят,
чтоб в чем-то слушались их люди.

Не мучай зиму изнутри,
дождись хотя б начала марта,
поля подтают, и смотри —
географическая карта.

И просто жди, не выбирай,
ты от рожденья богатеешь
и чувства в кучу собирай:
потом так сделать не сумеешь.

НА СЛУХ

НА СЛУХ

Метель мелодию на слух
метет в сугробах затаенных,
и этот день похож на вслух
слов несколько произнесенных.

И служат лире тополя,
несутся с ветром от погони,
и это все конечно для
созданья в округе гармоний.

И тускло светятся огни,
трамваи крутят ритмы вальса,
и ты давай, вставай, иди —
хорошим делом занимайся.

РАВНОВЕСИЕ

Ты знал, хотя был слишком молод,
что это все тебя спасет:
закат, рассвет, печаль которых
по форме с жизнью совпадет.

И шел ты с битыми боками,
в зубах травиночку держал
и равновесие, руками
махая изредка, держал.

И знал ты все не понаслышке,
пил сам настоящий овес
и в голове своей излишки
энциклопедий разных нес.

И день устал. Калиткой скрипнул
довольный этим всем весьма,
как обязательный постскриптум
в конце короткого письма.

ДЕНЬ

Кусты боярки в вихрях драк,
другие важные моменты,
луна бледна на небе — как
подделанные документы.

Тьма переполнила весь ров,
издалека дымит резина,
деревья — как обилье кофт
с промышленного магазина.

И птиц опять веселый визг
качает томную дремоту,
и снова на свой страх и риск
день новый вышел на работу.

ВЗГЛЯДЫ

Как хорошо сидеть на крыше,
бросая взгляды как блесну
и все познать не понаслышке,
и попытаться самому.

Смотреть небесную обивку,
прикинуть, что там вдалеке,
как будто всем домам прививку
сегодня сделали Пирке.

Листва, переплетаясь, пела,
трамвай ей шел наперекор,
больница, как всегда болела,
брел на работу светофор.

Как хорошо быть в затрудненье
и не понять, как поступить:
то ль чай попробовать с вареньем,
то ль без него его попить.

СПЯТ ЗАКАТЫ

Ночь тихонечко сдается,
спят закаты с животом,
мысль о вечности несется
без дороги напролом.

Отсырели важно спички,
как на поле валуны,
наступает по привычке
полнолуние луны.

Облака до дури низки,
переходят с вы на ты,
как на музыкальном диске
шелест, шепот темноты.

За окном поля со снегом
кровоточат как десна,
чай попить пойду к коллегам,
вот уляжется весна.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Все существует без прикрас,
и, чтобы было интересней,
ты каждый день и каждый час
выкидывай слова из песни.

По горло кажется забот,
берешься и за то, за это;
вот только кончится завод, —
весна и переходит в лето.

И дух лесной заполонит,
карманы листьями наполнит,
и тишина так зазвенит
и ноты Моцарта напомнит.

И переходит свет во тьму,
туман в мечту неуловимо —
как будто сердцу и уму
волнушек полная корзина.

СТОЙ НА СВОЕМ

Весна. Потянуло укропом,
скотиной чумазой, жильем,
а ты, зачарованный роком,
стой все равно на своем.

Ты стой на своем и без спору,
стой годы и жизни подряд.
Так тучи в дождливую пору
на небе дождливым стоят.

Нащупай поляны грибные,
изведай целебность сосны,
и пусть тебе все городские
завидуют хвастуны.

Все это достойно картины:
телеги, оглобли, дрова,
осины, осины, осины —
фланелевые острова.

А если неправда все будет:
и небо, и лес, и окно,
и дождь, — тот, что озеро студит —
ты стой на своем все равно.

ОПЯТЬ ЗАСТАВЯТ В ЭТУ ЗВЕНЬ...

Опять заразная весна,
опять несут на свалку санки,
вылизывает дочиста
собака дно консервной банки.

Опять заставят в эту звень,
чтоб меньше уставали клетки,
пить по одной три раза в день
невыносимые таблетки.

А ты, покорная судьбе,
спешишь всему раскрыть объяття,
перебирая на себе
оборку маминого платья.

И вслух читаешь дерзкий стих,
худой собаки гладишь космы,
стесняясь в мире лишь одних
двух тихих следиков своих —
прививки на руке от оспы.

КОСТЯНИКА

Есть места, где весело и дико,
там танцует в зарослях река,
и стоит стеною костяника,
словно регулярные войска.

Там под осень будет все забавней:
небо глубже, величавей пруд.
Там бидон с аптечной белой марлей
мне под эту ягоду дадут.

Есть места. Они чудны и в слякоть.
Вот откуда — этот мир велик.
Костяника: косточки да мякоть —
жизни неотмеченный тайник.

В НАСТОЯЩЕМ

Оседают первый снег
на паромы быстрых рек,
на кедровые вершины,
кинофотомагазины.

Мы живем всегда вчерашним,
нашу душу теребящим,
иль о будущем поем,
почему-то настоящим
совершенно не живем.

А на шины и подошвы,
где поменьше, где побольше,
на велосипедный трек,
в настоящем, а не в прошлом,
налипает первый снег.

Я еще его увижу —
разгляжу его поближе
сквозь ушедшие года, —
как он к желобочку лыжи
прилипает навсегда.

ГЛУХОМАНЬ

Дома в сугробах темных тонут,
и, разбивая сладость снов,
в оградах проволоки стонут
с цепями осторожных псов.

Бытует быль и небылица,
и действительно в обед
дается мерзлая кислица
к столу уже две сотни лет.

Там, погруженная в мечтанья,
спит глухомань на тыщи верст,
и есть местечко для свиданий
в окне — толпе бессонных звезд.

Там жнет народ и ладит сани,
и песни долгие поет,
неторопливыми мечтами
путь пролагает он вперед.

КОРНИ

Там, где кроты рыли
темные норы в земле,
корни деревьев жили
в глине сырой и мгле.

Подземные слушая токи
и гул холодной земли,
шум величавой осоки
расслышать они не могли.

Там, где кроты рыли
норы свои у дорог,
гибкие корни жили,
но я их расслышать не мог.

Над ними радуга висла.
Птичий носился гам.
И было великого смысла
им столько дано — сколько нам.

НИЧЕГО НЕ БЕРИ НАСОВСЕМ

Вот костер, где руки греешь,
волны вот, а вот вокзал...
Все, что ты сейчас имеешь, —
положи туда, где взял.

Звездам, что играют в прятки,
путь до дома укажи,
все по-прежнему порядку
все на место положи.

И служи, счастливец, лире,
никогда не знай дилемм,
ничего в просторном мире
не бери ты насовсем.

Наметет сугробы ветер, —
жизнь возьмет в водоворот.
Все, что есть на этом свете,
эх, не унесешь на тот.

Что молчишь? Ну что ты нажил?
Как судьбе своей ты внял?
Все, что не имеешь даже,
положи откуда взял.

ВОЛК

Ветры тучи в клочья растрепали.
Снег струями по полю ползет.
Старый волк, отбившийся от стаи,
по лесу иссохшему идет.

Страшен волк. Глаза его упруги.
Лоб туманом белым обнесен.
Но прекрасен: средь кромешной вьюги
срока на земле не знает он.

С НЕБОМ ЗАОДНО

Костер у старого причала
под звездами горит всю ночь,
и кажется, что здесь начало
всему, что улетает прочь.

Взлетают искры ввысь, мигая,
туда, где страшно и темно,
туда — во тьму, где мысль нагая
с холодным небом заодно.

БЫЛА ВЕСНА

Была весна, и дни покорны,
в пекарнях вкусно хлеб пекли,
и густо шиферные волны
по крышам медленно текли.

Была весна; сады кружили,
листва по улицам ползла.
Родители нам разрешили
гулять сегодня допоздна.

Горело небо, словно лампа,
и по руке гуляла дрожь,
и у центрального почтамта
развертывался крупный дождь.

И с неизведанной вершины
дождевики делали витки,
и молча грузчики с машины
сгружали хлебные лотки.

И СКРИП СУСТАВОВ У СОЛДАТ

Должно все пламенем гореть
без трепетного вдохновенья
и не обязано иметь
первостепенного значенья.

Не различим сквозь сто преград
и безразлично одинаков
и скрип суставов у солдат,
и блеск звезды созвездья Раков.

Должно все полным быть, пока
одной судьбой мы с вами свиты,
и в небе плоском облака
битком под горлышко набиты.

Должно же все-таки иметь
необязательное сходство,
и на одном костре гореть
писательство и скотоводство.

Должно быть слитно все, дружок,
как шум песка на перекатах,
и в сельской школе кувырок
на неумных жестких матах.

СМЫСЛ

Слабенький отголосок,
тот, что исходит извне;
несколько лунных полосок,
качающихся на волне, —
жизнь — расписная клеенка
обеденного стола,
что пищевой содой
затерли всю добела.

ПОНИМАНИЕ

Осень. Лужи. Листопад
чем сильнее, тем противней.
Озадачивают сад
обязательные ливни.

Кадка ягодой полна, —
все поэтому в порядке.
Облака похожи на
кукурузные початки.

Пар главенствует в избе,
под сплошное одобренье
мирно трудится в трубе
парового отопленья.

Лудят люди решето,
вслух горланят очень дивно.
Философствовать про то
в общем-то не эффективно.

Много всяческой муры.
И на все это, однако,
смотрит днем из конуры
с пониманием собака.

ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ СТАРИНЫ

В общество охраны старины,
где с утра посвистывал кофейник,
вытерев о плашечку пимы,
заходил я каждый понедельник.

За окном летали снегири,
и с утра с ответственным значением
с круглым апельсиновым печеньем
пили чай ответсекретари.

В общество охраны старины
было солнце из большого сада,
крохотно, как зубки из десны,
пробивалась в ящичках рассада.

Жизнь крепка, как ветер из окна,
как весной на деревьях почки.
Жизнь крепка, хоть иногда она
тонкая, как жилка на листочке.

В обществе охраны старины,
в комнате торжественно задорной
густо пахло воздухом весны
и еще рассадой помидорной.

В сейфах были заперты века,
и в бутылке веточка дрожала,
ниткой перевязана слегка,
в папке вся история лежала.

А в окно, мужая и искрясь,
годы, ветры, ветки дерзко били.
На историю облокотясь,
чай из блюдца секретарши пили.

КОРШУН

Там, среди гор, где небо шире,
в невыносимую жару
сидит он на крутой вершине
и точит когти о скалу.

Там, в небе лютом, круг за кругом
он разбивает тишину
и зрит в краю чужом подругу,
чтоб поднялась с ним в вышину.

И оттого, что он заметен
на небе слишком далеко,
его охотник на рассвете
сбивает метко и легко.

...Пугая тонких птиц по лугу,
на мир недвижно он глядит
и — мертвый — по большому кругу
над хаосом земным парит.

ЭЛЕГИЯ

Когда заката медленный-премедленный венец
прекрасно виден прямо над буграми,
для поддержанья красных кровяных телец
люблю дышать сосновыми борами.

Там можно видеть каждый день подряд,
прогуливаясь, удивляясь лету,
как паутины меж деревьев колесят
и пауку служба, и воздуху, и свету.

А повезет — увидишь дикий след лесной
и вспомнишь, что велик наш мир и славен.
Увидишь, как преследуя добычу, егерь молодой
опять неправильно загонщиков расставил.

ДРЕВО

Ветром корни у древа обдуло,
до крови оголило кору.
И в объятьях подземного гула
это древо стоит на яру.

Непреклонно стоит и без страха,
неподвластное памяти дней,
с чудотворным, великим размахом
потаенных и гибких корней.

Обжигают его суховеи,
налетают и пламя, и лед.
Как змея под рубахой твоею, —
по корням его холод ползет.

И стоит оно в вечной обнове,
все пространство надеясь обнять.
Все, что миру дано, — готово
на усталые ветви принять.

ЗА НАРЫМОМ

Нет никого, лишь темнота,
да старый дедовский уклад,
да крепко переплетена
крапива с хмелем у оград.
Нет никого на три версты,
и тонут заводи в веках,
лишь звезды в небе, что кресты
на верующих мужиках.

ШИРОКОСПИННЫЕ ЗАЛИВЫ

ГИБКИЕ СТРУИ

День прожит, и травы уснули.
Костры пастухи развели.
Протяжные гибкие струи
на небо пошли от земли.

А сосны совсем по-иному,
чем люди, научены жить:
могучему свету денному
еще продолжают служить.

Туманится поле вдали,
торопится к дому пчела,
прозрачные капли смолы
блеснули в извилах ствола.

Приблизилась к лесу гроза,
луг с клевером ветром измят,
и филина — в елях — глаза
в мои, не мигая, глядят.

КОТЛОВАН

В невиданном облаке пыли
и в боли от ссадин и ран
рабочие рыли и рыли
вручную большой котлован.

В нем холодно было и просто,
как свет незашедшей луны.
И выше коровьего роста
лежали вокруг валуны.

Недвижно сходили ступени.
И, чтоб заглянуть в глубину,
ты должен был встать на колени
и вглядываться в темноту.

Насмешливо, как для забавы,
и счета не зная дням,
тянулись зеленые травы
по омертвелым краям.

Наверно, по этому миру
такой оглашен был приказ,
чтоб в трещинах, пробуя силу,
играла трава — что алмаз.

Меркнет день. Одинока луна.
Перевернута черная лодка.
Из рыбацкого тлеет окна
слабый свет осторожно и кротко.

И, холодным туманом дыша,
ходит лошадь, сверкает уздечка.
Даль повисла. Немеет душа.
И изогнуто светится речка.

ОПЯТЬ НАХЛЫНУЛИ МЕЧТЫ

Весна. И лист упрям и нов,
как молодой красивый Герцен,
и получай сто (вместо снов)
величественных индulgенций.

И получай переполох,
и сбившиеся наземь тени.
Опять “застукала” врасплох
весна печальные сирени.

И школьники пригвождены
лучами солнечной лавины,
навек освобождены
от зависти и дисциплины.

Опять нахлынули мечты,
и ветры в двери бьют и рамы,
от темноты до темноты
пронизывая капилляры.

Вот-вот ударит первый гром,
и ловит ртом капли гений,
и пар восходит над лотком
от хлебобулочных изделий.

Мирно спали озера и реки;
вдруг ударила низко гроза,
осветила дома и телеги,
ослепила до боли глаза.

Занавеска с окошка срывалась.
И мне чудилось, — все я могу.
А домашним цветам показалось,
что гуляют они на лугу.

В заготпункт, где с утра много крику,
где берут чебаков по рублю,
сдам орехи, грибы и бруснику
и билет до столицы куплю.

Там ночами собаки не лают,
варят фабрики яблочный джем,
там меня очень сильно ругают,
что я жизни не знаю совсем.

В заготпункт клюкву сдам для варенья,
чтоб рублей мне хватило вполне,
чтоб на душу всего населенья
было больше варенья в стране.

И махну до столицы под осень,
окунусь в ее жизнь с головой,
если будут к приезжим — не очень,
то в стогу стану спать под Москвой.

Будет петь возле стога синичка,
будет солнце всходить из ветвей,
о любви мне расскажет москвичка
и в какой-нибудь сводит музей.

**А когда вмерзнут в заводи лодки,
я вернусь под кедровый свой кров
и пошлю ей в красивой коробке
золотых-золотых чебаков.**

Широкоспинные заливы
и тонущие берега,
склоненные на воду ивы,
а дальше все стога, стога.

Сквозь кроны тонкие оконца
туман младенческий течет.
Чтоб раньше всех увидеть солнце,
трава на цыпочки встает!

НЕ ВОЛЕН

От всех душа сокрыта глаз,
и ты перечить ей не волен,
волнуется она у нас,
когда весь мир весной болен.

Когда лениво, не спеша,
зима заполонит равнины,
приветствует опять душа
снегов холодные лавины.

Когда же солнце будет мыть
свои лучи у переката,
ее значенье — просто быть
и длить сияние заката.

За речкой Томью было это,
где били вьюги наповал,
на чердаке спорткомитета
я третью зиму зимовал.

Я жил. Влюблялся. Мылся в бане,
смывая сажу и грехи,
и на березовом чурбане
писал о родине стихи.

В двойные рамы ветры дули,
и секретарши, как родне,
из-за любви к литературе
квас в банках приносили мне.

Пах воздух сладким медом в сотах,
был квас холодным, словно лед,
как будто косточки на счетах,
летели наши дни вперед.

Я жил. Раз в год белил простенок,
жизнь изучал наверняка
и на пленительных спортсменок
смотрел сквозь щели чердака.

Там во дворе росли петунии,
и, словно цапли на лугах,
ходили юные прыгуньи
с царапинами на ногах.

И понял я, ловя дождемки,
забыв мирскую суету,
что приземляешься в опилки,
когда взлетаешь в высоту.

Так жили мы. Любили будни
и лето со слепым дождем,
и планку ставили нам судьи
на гвоздик выше с каждым днем.

МОРОЗ. ДЕРЕВНЯ ДРЕМЛЕТ

Мороз. Туманно. Дико.
Пустынно в небесах.
Осыпалась черника
в болотистых лесах.

В тулупе сторож конный
горланит, как река,
и ставит незаконно
капканы на хорька.

Закат на небе алый,
и петухи орут.
Как умственно отсталый
разлегся в поле пруд.

Мороз. Деревня дремлет.
Играет небосвод.
И звездам крупным внемлет
крупнорогатый скот.

Там хорошо жить в будни
и праздников канун —
на стол там ставят студни
из разноцветных лун.

Лил дождь. И молния сверкала.
Лес темным был, и от тепла
природа чувственно дышала,
изволнованно река текла.

Последний гром. И вдруг — сиянье,
луч света — прямо с вышины.
Какое легкое дыханье
у наступившей тишины!

ЗА ОГРАДОЙ

Падает скошенный снег,
пламя в чувале раздуто,
нам уготовлен ночлег
в черной избушке якута.

Вяжет хозяйская дочь,
спицы — туда и обратно.
А на болоте всю ночь
бьется в капкане ондатра.

Вяжет хозяйская дочь,
петли устало считает.
А за оградой всю ночь
лайка на озеро лает.

В печке поленья жует
неумолимое пламя.
Утром ондатра уйдет,
снег и осоку кровавя.

АЭРОДРОМ

Здесь цветет лишь одна лебеда,
но поверив в судьбу, словно в чудо,
ты уже никогда-никогда,
хоть умри — не уедешь отсюда.

Да к тому же под ветер и гром,
и ручьев несмолкающий свист
черным вечером аэродром
по ошибке вспахал тракторист.

ЗА ОГРАДОЙ

Падает скошенный снег,
пламя в чувале раздуто,
нам уготовлен ночлег
в черной избушке якута.

Вяжет хозяйская дочь,
спицы — туда и обратно.
А на болоте всю ночь
бьется в капкане ондатра.

Вяжет хозяйская дочь,
петли устало считает.
А за оградой всю ночь
лайка на озеро лает.

В печке поленья жует
неумолимое пламя.
Утром ондатра уйдет,
снег и осоку кровавя.

АЭРОДРОМ

Здесь цветет лишь одна лебеда,
но поверив в судьбу, словно в чудо,
ты уже никогда-никогда,
хоть умри – не уедешь отсюда.

Да к тому же под ветер и гром,
и ручьев несмолкающий свист
черным вечером аэродром
по ошибке вспахал тракторист.

ОБЛАКА

Плывут по небу облака,
плывут вперед издалека,
высоко, быстро над ветвями,
и не достать нам их руками.

И точно те же облака
здесь на земле у полавка
плывут речное слушать пенье.
Обратно сносит их течение.

ТЕРРИТОРИЯ

вот она эта ограда
вот он конец пути
дальше идти не надо
не надо дальше идти

ходят гуськом кастелянши
и в уголке небес
скидывают наволочки
с облаков на лес

УРА ТОМУ, ЧТО ЕСТЬ ДОРОГА

Опять холщовые дороги
вновь поползли со всех сторон,
невозмутимо тащит ноги
по перелескам почтальон.

Подвода медленная катит
по размороженной земле,
и солнечные блики скачут
вслед по тележной колее.

Не веря скорому итогу,
объездчики кустарник жгут,
рябина красная дорогу
перебегает там и тут.

Идут машины бортовые,
куда-то неустанно мчат,
и механизмы поршневые
в них нескончаемо стучат.

Ура тому, что есть дорога,
что солнце небо золотит,
и смысл главного итога
узнать не скоро предстоит.

ВНУТРИ СТВОЛА

Внутри холодного ствола
в молчанье теплится смола,
и токов темное движенье
сильней земного притяженья.
Под влажной грубою корой
не суетится мир иной.
В нем что-то тайное зовет,
без голоса, внутри, поет.
Оно играет и манит,
и лист весною зеленил.
Нерукотворно торжество,
и в этом наше с ним родство.

МОЛОДЫЕ ЕГЕРЯ

Спит небес вековая охрана,
лишь на горке, где звезды горят,
неизменно и неустанно
земляника и волки не спят.

Нам всегда уготовлено дело,
что не сразу возможно понять;
спит земля до конца, до предела,
ведь ночами положено спать.

Спят неистово воды в затонах,
спят, волнуясь, за речкой поля,
но выводят коней из загонов
молодые еще егеря.

Молочай под копытами плачет,
ветер запахом ночи объят,
егеря-несмышлениши скачут,
задевая прикладом приклад.

Скачут яростно и без промашки,
зная в жизни обманку и яд,
и у них на казенных фуражках
золотые кокарды горят.

Вот и волчье дыханье угасло,
и дрожат за рекою поля;
как подсолнечным медленным маслом
обливается светом земля.

А потом, глядя пусто и дико,
егеря на поляне сидят
и сладчайшую в кровь землянику
из фуражек помятых едят.

В ДАЛЬ

Есть у каждого дорога,
от порога и до Бога,
точно знаю наперед,
как девчонка недотрога,
кружит голову и жжет.

В той дороге ветер выюжный
разнесет, как письма, снег,
то, что было нам не нужно,
станет главным в ней для всех.

Станет там судьба мятежной,
озерко — водой безбрежной,
рядом — для мечтаний сад,
то, что было неизбежным,
опрокинется назад.

В той дороге нету края,
нету пыли — красота.
На вес золота, я знаю,
в ней для каждого места.

Там живут не как улитки, —
пишут к праздникам открытки;
и серьезные, и смешны,

тучу слезную по нитке
расплетают с вышины.

Но быстрее, чем иные,
там уходят дни живые,
не вернуть нам их, друзья,
все уходят, а другие
отвоевывать нельзя.

Минута есть у нас такая:
когда на поле гладь и тишь,
раскинув руки, замирая,
вдруг в небо мысленно летишь.

Взлетаешь вверх – просторно, вольно!
И в грудь пространство давит больно.

Летишь, и в мире все понятно.
Пересекает птица путь.
Когда спускаешься обратно,
еще сильнее давит грудь.

ПОЖАР

Рвет вожжи привязанный конь,
набухли усталые жилы.
И вот запустили огонь
навстречу огню — старожилы.

Уставший отряд егерей
клянет вертолетную сводку
и пьет за погибших зверей
на бревнах суровую водку.

И только орел в том лесу
над пеплом протяжно витает
и смотрит, как жадно внизу
огонь на огонь налетает.

ПЯТИХАТКА

На улице Никитина для сотрудников
университета есть общежитие
с веселым названием Пятихатка...

Что такое Пятихатка? —
дом, как будто питекантроп,
с вкусным супом из ельцов,
с чугунами, котелками,
с пятипалыми руками
пятихатовских жильцов.

Что такое Пятихатка? —
сыплешь сахар — все не сладко,
лишь под утро сладкий сон;
на приступочках петунья
и глазастая глазунья
на сто двадцать пять персон.

Там сидят вахтеры важно,
там друг друга знает каждый,
ночью лампочки горят,
двери там, как будто уши
у слонов, и можно слушать,
что в Кувейте говорят.

Пятихатка, пятихатка,
как ондатровая шапка
нахлобучена на мир,
до Луны оттуда близко,
и сидит на крыше киска,
ловит лапой светлый миг.

Лестницы у Пятихатки,
что у юношей лопатки —
неприкаянно торчат,
и, как лекторши на курсе,
на нескладной темной кухне
утром чайнички журчат.

Там в руках играют спицы,
на окне сидят синицы
и зовут другую рать,
там скрипят полы устало,
и народу все же мало,
чтоб китайцев перегнать.

Пятихатка, Пятихатка,
как девчонка из Итатки,
что шмыгнула на паром,
а потом в большущий город
ты пришла, где жгучий холод,
жизнь оставив на потом.

Пятихатка, Пятихатка,
ты цветов лесных охапка,
ты меня к себе впусти,
ты грешишь еще сильнее
и поэтому святее
всех поэтов на Руси.

Отмирают быстро клетки,
под годами гнутся ветки
в молодом лесу густом,
и стоишь ты, Пятихатка,
будто детская кроватка
на крылечке золотом.

Наши с тобою места —
этот заброшенный сад,
падает в ноги листва,
скажешь ты — письма летят.

Через года, через даль
вновь налетают и вновь:
в желтых конвертах — печаль,
в красных конвертах — любовь.

Листья летят высоко,
что же к земле их влечет?
Не переменит никто
этот свободный полет.

Вот и опять без причин
ветер студеной принес
красные листья осин,
желтые листья берез.

НА РОДИНЕ

Там реки весною ревут,
в клочки берега разрывая,
на нерест лососи плывут,
о камни себя раздирая.

Там пули в туманах свистят,
пронзая кедровники глухо,
и через осоку летят
в лосиное темное брюхо.

Там прочен дворовый заплот,
и лайки на шорохи лают,
и между брусничных болот
старухи пшеницу сжинают.

И гнутся, и гнутся серпы,
и ветер по крышам гуляет,
и запах кержацкой тропы
свободой тебя овекает.

ТОРЖЕСТВО ЗИМЫ

ДО КРАЕВ, ДО ОКРАИН

Было глухо, как в танке,
только темень вы нам не пророчьте,
мы заполнили бланки,
привязанной ручкой на почте,
мы заполнили бочки
на случай пожара лесного
до краев, до окраин,
до последнего слова.

НОЧЬЮ ВСПОМНИШЬ

Столько клюквы в российских болотах,
ночью вспомнишь — и спать неохота.

Эту ягоду медленно рвешь
и, корзину пока набираешь,
много разного переберешь,
передумаешь, перестрадаешь.

Не хожу я туда потому —
тяжело выносить одному.

СКАЗ О КОРОВЕ

В одном большом районном центре,
где по бокам стоят две церкви,
о Боге ведая молву,
я пас пятнистую корову,
что на рогах несла корону,
ища хорошую траву.

Шли грозовые тучи в небе,
кукушка плакала о хлебе,
летела в поле по кривой.
Я пас пятнистую корову,
глядел на это участковый,
качая умной головой.

Шел съезд народных депутатов,
и там один из делегатов
хвалил целебную красу,
все выступал по процедуре...
и все ж сказал, что я «в натуре»
неправильно коров пасу.

Был недоволен мной инспектор,
Госстрах, главбух, один директор,

завгара два и военврач,
и вновь приехавший завклубом,
пускавший дым огромным кубом,
был недоволен, ну хоть плачь.

Я пас пятнистую буренку,
похожую на пятитонку,
ну, а скорей, на гардероб.
Я жил, судьбы не понимая,
в условиях земного рая
и получал, конечно, в лоб.

Я жил, как будто ненец в лодке
вдаль смотрит, растопырив локти,
Гидрометцентр всюю кляня,
я ненавидел телешоу
и тех, кто больше Терешкову
любил, чем малое дитя.

Корова же жевала жвачку,
напоминала водокачку.
И мысли бились в голове.
Лизнуть хотела депутата
“шершавым языком плаката”,
идя по скошенной траве.

Ее огромный животина
скорей напоминал картину,

где в поле три богатыря;
она несла большие ноздри,
которые, конечно, мерзли
в туманах белых сентября.

И верой я служил, и правдой
с репейниками, как с кокардой,
весною собирал колбу.
А было невтерпеж эпохе, —
на полубморочном вздохе
три пальца подносил ко лбу...

И я служил своей отчизне,
не доверял красивой жизни
и на вопросы отвечал.
Как полевой весенний птенчик,
коровий маленький бубенчик
до неба самого звучал.

У тела и разума разные пути,
иди да иди, иди да иди,
все равно нет числа дорогам и снам,
волнистым, с тугими краями, полям,
все равно ты привыкнешь к своей судьбе,
как к полу привыкают в родной избе.

ЗЕРКАЛО

зеркало всегда небритое
утром и по вечерам
как армия недобитая
идушая в тартарарам

Как свист оно чисто-чистое
основа основ осы
материального мира
нематериальные весы

Все меньше верится словам,
и горше времени уроки,
все тяжелее по стволам
идут живительные соки.

Жизнь не идет сама собой,
и мало зрелищ нам и хлеба.
Все неотступней пред душой
стоит безвыходное небо.

В РАСПУТИЦУ

В распутицу, тугими гривами
я брел в деревню как во сне.
КамАЗы с красными кабинами
навстречу попадались мне.

Я шел. Листва играла шумная
и, вторя птичьим голосам,
текла дорога многодумная
по раскорчеванным лесам.

Цвела беспamięтно акация,
стучали люди топором,
и шумная агломерация
виднелась: города с селом.

Я дальше шел. И там отдельные,
иглой играя нараспев,
стояли сосны корабельные,
от кислорода очумев.

А ноги еле-еле топали,
стонала за бугром река.
И на обочине два тополя
вовсю валяли дурака.

ПАРОХОД

На поляне стадо бродит,
волчья ягода горчит,
за пригорком пароходик
очень жалобно кричит.

Мы с тобой стихи читаем,
в жизнь внимательно вникаем,
в котелке уху творим
и о счастье говорим.

Пароходик, пароходик,
поворот - и два гудка.
Только счастье быстро сходит,
словно лед весной с катка.

Пароход плывет без тряски,
жизнь вокруг меняет краски.
И клопочут у бортов
самодельные завязки
у спасательных кругов.

В МАГАЗИНЕ

Не мог смотреть я на картину,
где сына грозный царь убил,
зато ходить по магазину,
где все для дома, я любил.

В нем было очень много смысла:
братались разные миры,
там продавались коромысла
и цепи для бензопилы.

Я пробирался с вдохновеньем
через толпу людей порой
туда, где есть приспособленья
для сбора ягоды лесной.

В отделе для шаров воздушных,
где воцарялась бирюза,
куда вели детей послушных,
я уносился в небеса.

Мир изучал я постепенно,
я жадно этот мир любил,
и смиренно, как военнопленный,
в отдел другой переходил.

Над этим всем с тоской напевной
шумел космический простор,
и как корона на царевне
был свежавыкрашенный пол.

Вечер. Хлопает наотмашь
верба веткой по песку,
на реке большая отмель
навевает нам тоску.

Заколоченные двери,
заболочены леса,
от луны большой и древней
льется света полоса.

Оттого, что не дается
вызнать тайну на скаку,
ворон ворону смеется
на березовом суку.

Строят избы за буграми,
лист желтеет тут и там,
управляющий делами
едет в город по делам.

Тихо. Почерк без нажима.
Ты себя не бережешь:
без нормального режима,
ненормальная, живешь.

СНЕГ ВЫПАЛ

Снега веселые, бесстыжие
переливались у плетня,
из шифоньеров шапки рыжие
вытряхивала ребятня.

Снег выпал на кусты акации,
на крыши нашего села,
как будто инвентаризация
по свету белому прошла.

Она учитывала разные
существования идей,
варенье в банках, зимы красные
и все улыбки у детей.

Снег выпал на оленей с пантами,
повис на елочной смоле,
неслыханными оккупантами
снежинки двигались к земле.

Снега поблескивали искрами
на заколдованных стогах,
и, словно прописные истины,
торжествовали на полях.

На снег собаки громко лаяли,
шли на охоту чудаки,
и в кочегарках быстро таяли
березовые чурбаки.

И снег сиял, как электричество
и быстро делалось светло,
как будто на Зиму лесничество
свое согласие дало.

ПО НЕБУ

В саду, где певучие пчелы,
где тысячи разных даров,
задумчивый и невеселый
живет сочинитель стихов.

Живет он в большой водокачке,
хлопочет за мир и мосты,
освобождая от спячки
деревья, траву и кусты.

В столовку он ходит питаться,
поет не мудреный мотив,
по небу он любит кататься,
тележку к грозе прицепив.

Забыв на время лекции,
упрямы и вольны,
воздушные инъекции
вбираем у весны.

Стеклом увеличительным
на бревнах жжем слова,
событием значительным
для нас растет трава.

Лежат поля атласные,
и, выстроившись в ряд,
как в слове буквы гласные,
ручьи в траве шумят.

И суриком, и охрою
ручьев окрашен путь,
природа властным окриком
их может повернуть.

Все чинно, восхитительно:
езде, везде весна!
Как будто чаепитие
в честь этого события
устроила она.

НАСТАВЛЕНИЕ

Зима потемнела. Виднее
на поле невспаханный край,
катайся на лыжах скорее
и воздух сильнее вбирай.

Собаки зимою не злые
в немыслимых будках дрожат
и важно склады дровяные,
как чокнутые, сторожат.

По городу грузчики рыщут,
наводят повсюду уют,
снега неумные ищут,
за город в машинах везут.

Катайся на лыжах скорее,
пока не приблизился май,
и снег, что небес голубее,
до одури запоминай.

БЕЛЫМ БЕЛО

Быстро, чинно, без запинки
стало все белым бело,
и охотничьи тропинки
раскатились за село.

Снег на пашне пачкал трактор,
шли колхозницы домой,
вырабатывал характер
в небе ветер гулевой.

И налево, и направо
снег метался в эти дни,
разукрашивая браво
в парикмахерских огни.

И снежинки все кружили,
гнали белую волну,
будто свету объявили
партизанскую войну.

ТОРЖЕСТВО ЗИМЫ

Кедровник в царственном убранстве,
полны мороза закрома,
как государство в государстве,
покоится в полях зима.

Переменились жизни грани,
и не подвластна кровь уму,
и только хомуты, да сани
вовсю приветствуют зиму.

И грозы летние понуро,
забыв о грозových полях,
забылись, затаились хмуро
в непробуждающихся льдах.

И пусть стоит мороз столетний,
и пар восходит ото льда,
зато во много раз заметней
путь, по которому сквозь ветви
на небо взобралась звезда.

ДОМОЙ

Шел снег пушистый и пологий,
и непременно в выходной
я брел усталую дорогой
из города к себе домой.

Шел снег, как будто бы спросонок
потягиваясь дружно, всласть,
шел снег, как маленький ребенок
идет, за стульчики держась.

Передо мной была картина,
где виды всякой старины
от звезд и до гемоглобина
сугробами поражены.

Крепчал мороз на елках строгих,
шумели птицы в ноябре,
я брел усталую дорогой
из города домой к себе.

Не думая о постоянстве,
снежинки разрушали строй -
как маленькие новобранцы
шли необученными в бой.

И по бокам дорог покатых,
в дремучих тайнах ворожбы,
как оловянные солдаты
вытягивались виновато
заиндевелые столбы.

РАНО УТРОМ

Уйди рано утром из дома,
на воздухе свежем постой,
уйди потихоньку, как сделал
Лев Николаич Толстой.

Довольно, как ласточка в сетке,
не замечая в делах,
расшатывать нервные клетки
в крупнопанельных домах.

Уйди очень рано из дома,
закат и восход повстречай,
и вместо сурового брома
листву молодую вдыхай.

Пусть будут пристанищем — клены
и путь по росе — напрямик,
пусть капель лесных батальоны
нахлынут за воротник.

Пусть грузовики полевые
по пыльным дорогам урчат,
уйди, чтоб не слышать, как злые
цилиндры в машинах стучат.

А встретится стадо коровье,
пастушке скорей улыбнись
и пей молоко на здоровье
за нерукотворную жизнь.

В ЛИСТОПАД

По панельным домам обрываются листья,
остаются корявые голые кисти.

Обрываются листья куда-то в низины
и с березы печальной летят, и с осины.

Вот по стеклам мороз разукрасился хищно.
Я-то знаю на шкуре своей самолично, —
лучше всех понимают больные в больнице,
что материя первична, сознание вторично.

НО ЗАПРЯТАНЫ ВЛАСТНЫЕ ТАЙНЫ

Облака с голубым перехлестом
на отливах качает река,
и давно ей уже не по росту
перекошенные берега.

Всплески весел и рыбы случайны,
и круги монотонно тихи,
но запрятаны властные тайны
в глубине этой бурной реки.

Только дальше на гибком своротке,
омывая у берега край,
крутит речка рыбацкие лодки,
выдавая себя невзначай.

МАРТ. АПРЕЛЬ. МАЙ

Еще непомерно упруги
под утро пустые снега.
Наотмашь последние вьюги
бьют клеверные стога.

Вдали где-то нежные грозы,
и видно уже по утрам,
как надоели морозы
колхозникам и тракторам.

Уже и душа обрывалась,
рвалась в неизведанный край.
До жаркого лета осталось
всего лишь: март, апрель, май.

Изрядно набрав нервных токов,
припомнив шум летних ветвей,
за непосещение уроков
родители лупят детей.

Ты лыжи бери и, не мешкай,
беги, пока солнце дрожит,
и лето с зимой вперемешку
на поле колхозном лежит.

Вечерние, тусклые блики.
Устало сверкает звезда.
Бидоны полны голубики.
Заступишь за кочку – вода.

Но вот на тропинку свороток
и знак на сухой бересте.
Торопимся. Отдых короток.
Успеть бы домой к темноте.

Все тихие тайны природы
сокрыты. И лишь в вышине
деревья бушуют, как воды
во властной шумят глубине.

СОДЕРЖАНИЕ

Весна	11
На слух.	39
Широкоспинные заливы	65
Торжество зимы	97

Андреев Михаил Васильевич
родился в Томской области.

Образование:

Томский институт АСУ
и радиоэлектроники, 1976 год,
Высшие литературные курсы(г. Москва),
1985 год.

Основные этапы деятельности:

1981 года – вышла в свет первая книга
стихов в издательстве «Молодая гвардия»
«Лиственный свет»,
1982 год – член Союза писателей СССР,
1982-2001 гг.- в различных издательствах
вышли книги:
«И звезда высоко-высоко», «Подранок»,
«Нетелефонный разговор», «Земной срок»,
«По материнской линии», «Фотография на память».

**Одна из граней творчества
поэта – песни в содружестве
с композитором Игорем Матвиенко:**

«Отчего так в России березы шумят»,
«Трамвай пятерочка», «Самоволочка»,
«Главное, что есть ты у меня»,
«Москвички» и др. (группа «Любэ»);
«Тополиный пух» и др. (группа «Иванушки»);
«Потому что нельзя быть красивой такой»
(группа «Белый орел»);
«Это ты объявила войну» и др. (группа «Корни»);
«Про любовь, про тебя...» и др.
(группа «Фабрика»).

ПОДРАНОК" И ДР.

ПОЭТ,

член писателей СССР,
победитель конкурса имени М. Горького

АНДРЕЕВ

КАЯ ВСТРЕЧА

АВДИО.

РА.
РОСНУСЬ.

НА ВОПРОСЫ

по встречи в